

10. Воронина, О. А. «Гендерные» праздники: трансформация символических значений / О. А. Воронина // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 3 (84). – С. 3–16.

11. Тишков, В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ / В. А. Тишков // Вопросы философии. – 2020. – № 8. – С. 5–19.

12. Савельева, М. А. Политико-психологический анализ восприятия Дня Победы молодежью стран ЕАЭС / М. А. Савельева // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2021. – № 1 (42). – С. 114–129.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

Т. Е. Новицкая

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск

T. E. Navitskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk

УДК 316.77:32+004.056

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР РИСКА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

MEDIATIZATION OF POLITICS AS A RISK FACTOR IN THE CONTEXT OF INFORMATION SECURITY

Последствия медиатизации политики связаны с ростом политического популизма, персонализацией политических акторов, распространением конспирологических теорий. Медиатизация политики актуализирует риски в сфере информационной безопасности: применение «острой силы»; повышение уязвимости медиааудитории перед лицом дезинформации, исходящей от внешних источников; манипулятивное формирование общественного мнения и восприятия политических событий; установление контроля за дискурсивными и нарративными практиками, ассоциированными с политикой постправды.

Ключевые слова: медиатизация политики; информационная безопасность; «острая сила»; репрезентация; Интернет; социальные медиа.

The consequences of the mediatization of politics are associated with the growth of political populism, personalization of political actors, and the spread of conspiracy theories. Mediatization of politics actualizes risks in the sphere of information security: the use of “sharp power”, increased vulnerability of media audiences to disinformation from external sources, manipulative formation of public opinion and perception of political events; establishment of control over discursive and narrative practices associated with post-truth politics.

Keywords: mediatization of politics; information security; “sharp power”; representation; Internet; social media.

В связи с возрастающим влиянием медиа, находящим отражение как в углублении инструментализации и ангажированности традиционных СМИ, так и в росте популярности новых интерактивных медиа, проблемы медиатизации политики активно привлекают внимание социальных теоре-

тиков и исследователей массовой коммуникации. Медиатизация предполагает усиление влияния медиа на культуру и социум в целом, а также на отдельные сферы общественной жизни. Теория медиатизации исходит из того, что трансформации в области средств массовой социальной коммуникации ведут к изменениям в социальных институтах и различных сферах жизни общества.

В современных условиях медиaprостранство становится тесно связанным с обеспечением информационной безопасности общества в ее социогуманитарных аспектах, ассоциированных с вопросами формирования и управления общественным мнением, цифрового контроля и воздействия эффектов медиа на социально-политические практики. Медиатизация политики усиливает эту связь и проблематизируется в качестве фактора риска в данном контексте.

Проблема информационной безопасности включает в себя две составляющие: защиту информации и защиту от информации. Если первая предполагает создание и использование методов и средств защиты информационных ресурсов в различных системах и организациях, то вторая направлена на достижение информационно-психологической безопасности общества, борьбу с информационным кибертерроризмом, противодействие применению информационного оружия, противостояние в информационной войне, эффективное сопротивление деструктивному информационному воздействию [1]. В условиях медиатизации политики актуализируется задача обеспечения безопасности социально-политических и дискурсивных практик информационной среды. Цель данной статьи – выявление рисков усиления медиатизационных процессов в политической сфере для информационной безопасности общества.

Преобразования в области информационно-коммуникационных технологий, изменения в способе и модели информационного обмена ведут к трансформациям в области медиарепрезентации, в высокой степени определяющей общественное мнение и картину социальной реальности как отдельных пользователей, так и социальных групп. Процессы гиперглобализации, сетевизации, интернетизации вызывают беспрецедентное усиление циркуляции информационных потоков. Современное онлайн-пространство крайне динамично. Его масштабность предполагает включение колоссального числа акторов со всего мира, следствием чего становится крайняя информационная насыщенность, текучесть и быстрая смена повестки. Медиалогика диктует специфические правила репрезентации и задает особые критерии успешности: кликабельность информации, представленной в глобальной сети; потенциал ее виральности и меметизации; соответствие текущим социокультурным, экономическим, политическим трендам. Если представленная информация способна вызвать значительную волну обсуждений, ею активно делятся, происходит ее экспонирование на широкую аудиторию. В условиях медиатизации данные требования и критерии становятся ак-

туальными практически для любого контента, претендующего на высокие охваты аудитории. В контексте медиакапитализма человеческое внимание приобретает статус важного ресурса, включенного в отношения эксплуатации труда и производства стоимости.

Изменения, произошедшие в связи с ростом популярности новых медиа, затронули и сферу журналистики. Актуализировались такие тенденции, как депрофессионализация, децентрализация, интерактивность, индивидуализация. Принцип организации сетевого онлайн-пространства предполагает совмещение интернет-пользователем роли производителя, распространителя и потребителя контента. Этим во многом может быть объяснена популярность и востребованность, которую приобрела блогосфера.

Индивидуализация, в целом характеризующая сетевое общество, в своей крайней форме реализуется в персонификации. Особую роль она начинает играть в репрезентации политики. Российские исследователи Ю. Д. Агратимонова и В. А. Демчук, анализируя указанный феномен, утверждают, что процессы медиатизации влияют на трансформации политического класса и стиль публичной политики. В качестве других причин персонификации политики они называют «процессы размывания социальных групп и отсутствие в силу этого как устойчивых требований у этих групп, так и устойчивой идентификации индивидов с определенной группой, что ставит проблему артикуляции политических интересов и консолидации групп, а также появления новых механизмов политической репрезентации в рамках постдемократии» и «логику самовоспроизводства неустойчивых общностей» [2, с. 108].

Британская исследовательница в области политической коммуникации А. И. Лангер полагает, что персонализация политики включает в себя следующие составляющие: президентализацию власти (усиление роли лидеров, смещение власти в этом направлении, находящее выражение в обширном информационном освещении их деятельности); концентрацию на лидерстве (специальное подчеркивание лидерских качеств и умений, важных для государственного управления); политизацию частной жизни (фокус на частной жизни политических лидеров, ведущий к трактовке их не как носителей той или иной политической идеологии, партии и государства, а именно как «человеческих существ» [3, р. 373].

На проблему селебритизации политики в эпоху новых медиа указывает российский политолог И. А. Быков: «От политика требуется телегенность и артистизм, а не стратегическое видение и тяжелый труд по урегулированию конфликтующих политических интересов. Современные политики превращаются в своего рода “знаменитостей” или “селебрити”» [4]. А. З. Бауман еще на пороге новой волны медиатизации проницательно придавал особое значение ставшему популярным формату телевизионного реалити-шоу, построенного по принципу игры на выживание, увидев, что это «не фотография, не слепок и не копия современной социальной

действительности. Но это ее сжатая, схематичная, очищенная модель; можно сказать, что это та лаборатория, где над определенными тенденциями этой действительности, обычно незаметными, слабо выраженными или подавленными, проводятся эксперименты, ставящие своей целью выявление их истинного потенциала» [5, с. 27]. В современных условиях социальные медиа многократно усиливают запрос на эвентуализацию, персонификацию и привнесение элементов шоу в сферу политической медиарепрезентации.

Отметим также, что сама структура и организация сетевого медиапространства, его плюральность и интерактивность предполагают, что оно скорее представляет собой срез публичной сферы, где большей частью выражаются мнения, а не распространяются знания. Подтверждением этому может служить феномен блогерства. Политическая аналитика сегодня является весьма популярным направлением в блогосфере. Однако уровень ее экспертности зачастую сложно назвать релевантным, что может быть связано как с отсутствием профессионального научного подхода, так и с рыночной ориентацией на высокие показатели трафика, просмотров и «лайков», стремлением к «хайпу», а не к объективности. «Более того, большое значение в современном медиапространстве получили так называемые “теории заговора” или псевдонаучное объяснение политики и политических процессов. Передачи подобного рода получили большое распространение в связи с тем, что они поражают воображение зрителей, являясь неким аналогом фильмов ужасов» [4].

Политика постправды, предполагающая замещение фактов эмоциями, апелляцию не к реальным событиям, а к аффективному восприятию сконструированных «медиасобытий», продуцирование фейковых новостей и создание обслуживающего их «экспертного» (блогерского) контента также имеют существенное значение в распространении конспирологических теорий, упрощенных интерпретаций политической действительности. В таком ключе рассматривает воздействие новых медиа на демократию и публичность Ю. Хабермас [6]. Влияние на общественное мнение рациональной и аргументированной публичной дискуссии существенно затруднено в связи с сокращением или отсутствием «фильтров» в публичной сфере, фундированной социальными медиа. На первый план выходит способность к наибольшему привлечению внимания, что негативно сказывается на качестве информации. В данном контексте мнения подвергаются опасности коммодификации, пользователь становится потребителем в большей мере, чем гражданином. Получают распространение вводящие в заблуждение практики по созданию иллюзии общественной поддержки той или иной идеологии, политики, общественной деятельности и т. п. посредством публикации соответствующего цифрового контента. Медиатизация политики ведет к таким опасностям, как снижение уровня публичной дискуссии, всплеск популизма, манипуляции общественным сознанием.

Рассматривая медиатизацию политики как фактор информационной безопасности, необходимо отдельно выделить риски, продуцируемые ею в связи с возникновением уязвимостей ввиду внешнеполитического влияния в сфере национальной безопасности, в особенности в социальном и гуманитарном измерении, с формированием общественного мнения внешними акторами. Интернет развивался как глобальное информационное пространство. По мере выстраивания его национальных сегментов, укрепления на рынке крупнейших мировых и региональных медиакорпораций его структура стала усложняться, государственными и международным законодательствами начали очерчиваться границы, во многом определяющиеся целями безопасности. Ранее феномен достижения политических целей посредством оказания влияния через добровольное участие, симпатию, привлекательный имидж получал теоретическое осмысление при помощи понятия «мягкая сила» (soft power) (в противовес brutальным методам «жесткой силы» – военной и экономической), введенного в 1990 г. в научный оборот американским политологом Дж. Наем [7; 8]. В нем делается акцент на политические эффекты в долгосрочной перспективе, достижимые благодаря возможностям массового влияния на мнение зарубежных аудиторий. В 2008 г. Дж. Най и Р. Армитадж разработали понятие «умной силы» (smart power), основанной на балансе технологий «мягкой» и «жесткой» силы: «...умная сила» – это не просто «мягкая сила 2.0, речь идет о способности соединять их в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах» [9, р. XV].

По мере углубления медиатизации политической сферы возникла необходимость в соответствующем современности теоретико-методологическом подходе к интерпретации международного влияния. В 2017 г. актуализировалось понятие «острая сила» (sharp power). Его авторы – американские политические аналитики К. Уокер и Дж. Людвиг, представители американского Национального фонда в поддержку демократии (National Endowment for Democracy – NED). Они рассматривают внешнеполитические практики России и Китая и заявляют о неправомерности использования по отношению к ним понятия «мягкая сила» [10]. В дальнейшем объектом анализа стала специфика влияния этих двух стран на ряд государств Восточной Европы и Латинской Америки [11]. В докладе «Острая сила. Возрастание авторитарного влияния» выделено пять секторов, на которые распространяется новая технология: медиа и информация; коммерция; культура и развлечения; производство знаний; технологии. «Острая сила» применяется для формирования общественного мнения и восприятия, однако в отличие от «мягкой силы» ее основным методом является отвлечение и манипуляция. В данной связи медиа могут выступать в качестве инструментов, используемых в этих целях. «То, что мы до сих пор понимали как авторитарную “мягкую силу”, лучше классифицировать как “острую силу”, которая пронзает, прокалывает или прокалывает политическую или информационную среду в целе-

вых странах. В новом соревновании, которое идет между автократическими и демократическими государствами, методы “острой силы” репрессивных режимов следует рассматривать как острие их кинжала – или, по сути, как их шприц» [11, р. 13].

Беспокойство К. Уокера и Дж. Людвиг вызывают продвижение определенных политических нарративов, которые благоприятствуют России и Китаю, расширение сферы их экономического присутствия в мире, прибегание к кооптации и манипуляциям, а также использование ими асимметричных мер (по оценке авторов, в эпоху гиперглобализации существуют барьеры для внешнего политического и культурного влияния внутри этих стран, но при этом они сами используют возможности открытых демократических систем за рубежом). Говоря о растущем влиянии КНР, авторы доклада описывают ее деятельность, соответствующую традиционному влиянию «мягкой силы»: культурную и образовательную активность; работу аналитических центров и политически значимое взаимодействие; развитие медиаплатформ в глобальном масштабе. В то же время они видят опасность в имитации различных проявлений гражданского общества, распространении популистских нарративов, онлайн-троллинге. Влияние на медиасферу связывается ими с обучением журналистов, организацией бесплатных поездок на медиатренинги. Также эти исследователи видят опасность в возможностях организованного влияния на ход зарубежных политических компаний. По сути, основная претензия представителей NED состоит в том, что стратегия стран, подвергающихся критике, выстроена в соответствии с иерархическим принципом, их внешняя деятельность управляется государством. Однако следует отметить, что данная критика обусловлена ценностно-идеологическими расхождениями, различиями в политической организации. Существенное значение имеет тот факт, что возможности использования «острой силы» потенциально открыты для любых международных акторов, обладающих необходимыми ресурсами.

В то же время российская исследовательница О. Леонова предлагает более радикальную трактовку «острой силы» как совокупности информационных операций влияния и методов информационного кибертерроризма. Согласно ее мысли, *sharp power* включает в себя манипулирование данными, формирование фальсифицированного контента новостного и событийного потока, осуществление информационных операций и проектов [12, с. 21].

Экстремальные формы политического процесса, ставшие результатом медиатизации, изучаются также российскими исследователями Н. С. Лабушем и А. С. Пую (война, вооруженный конфликт, информационная война, «цветные» революции, террористические атаки). Они исследуют неконвенциональные формы политики, нарушающие границы правового поля и стабильность функционирования политических систем, что может быть чревато угрожающими последствиями, жертвами и разрушениями [113].

В условиях медиатизации политики роль информационного воздействия возрастает, так как оно может провоцировать переход от конвенциональных форм политического процесса к экстремальным.

Следует подчеркнуть, что в условиях обострившегося информационно-противостояния, гибридного воздействия с целью управления массовым сознанием в глобальных масштабах методы «острой силы» требуют к себе особого внимания. Исследование технологий манипулятивного политического медиавоздействия, распространения дезинформации и деструктивной внешней пропаганды посредством Интернета и новых медиа становятся насущной проблемой информационной безопасности как в глобальном, так и в региональном измерении.

Подводя итоги, отметим, что медиатизация политики носит многоаспектный характер: она предполагает как изменения в производстве политического медиаконтента, так и в его потреблении аудиторией, усиление воздействия медиа на процессы в политической сфере. Происходит «форматирование» медиалогикой социально-политических практик и трансформация политического дискурса, преобразуется специфика социальных взаимодействий и характер политического действия, интеракций внутри сообществ. Область медиарепрезентации также трансформируется, что выражается в персонификации и селебритизации политики, росте популярности развлекательного контента, расширении блогосферы и повышении ее востребованности в противовес профессиональной журналистике, а также в связанном с вышеуказанным изменением представлений об экспертности, снижением уровня «фильтров» в публичной сфере, ориентацией на «хайп» и привлечение внимания, понижением качества информационного контента, опасностями коммодификации мнений, представленных в медиа. В сфере репрезентации возрастает роль форматов цифровых медиа, социальных сетей с их подчиненностью алгоритмам и коммерческой ориентацией на персональные предпочтения, таргетирование, что также сказывается на возможностях управления распространением политического контента среди целевых групп. В свою очередь это актуализирует риски в социогуманитарном измерении информационной безопасности. В условиях гиперглобализации и медиатизации политики они связаны с применением «острой силы», ростом подверженности медиааудитории негативному воздействию дезинформации и деструктивной внешней пропаганды, возрастанием значения политики постправды в формировании дискурсивных и нарративных практик для оказания манипулятивного влияния на общественное мнение и восприятие политических событий.

Список использованных источников

1. Наука и образование – единый организм: интервью директора Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН Рафаэля Юсупова // Российская академия наук. – URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=4c962468-545d-448d-937c-c7d641c6e2b8> (дата обращения: 26.12.2025).

2. Артамонова, Ю. Д. Современная персонализация политики: новые подходы к анализу / Ю. Д. Артамонова, В. А. Демчук // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 6. – С. 108–121.
3. Langer A. I. Historical Exploration of the Personalisation of Politics in the Print Media: The British Prime Ministers (1945–1999) / A. I. Langer // Parliamentary Affairs. – 2007. – Vol. 60, № 3. – P. 371–387.
4. Быков, И. А. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. – 2017. – № 4. – С. 15–38 // ИНФРА-М. Издательский холдинг. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/19592/view> (дата обращения: 26.12.2025).
5. Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва: Логос, 2005. – 390 с.
6. Habermas, J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik / J. Habermas. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 3. Auflage, 2022. – 108 S.
7. Nye, J. Soft power: The Means to success in world politics / J. Nye. – New York: Public Affairs, 2004. – 208 p.
8. Най, Дж. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10. – С. 33–41.
9. Nye, J. The Future of power / J. Nye. – New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.
10. Walker, Ch. The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence / Ch. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs. – 2017, November 16. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (date of access: 26.12.2025).
11. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence / Ch. Walker, J. Ludwig, J. P. Cardenal [et al.]. – Washington: International Forum for Democratic Studies, National Endowment for Democracy (U.S.), Network of Democracy Research Institutes International Forum for Democratic Studies, 2017. 156 p. // National Endowment for Democracy. – URL: <https://www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence-Full-Report.pdf> (date of access: 26.12.2025).
12. Леонова, О. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире / О. Леонова // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 2. – С. 21–28.
13. Лабуш, Н. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса. Война, революция, терроризм / Н. С. Лабуш, А. С. Пую. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2019. – 340 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)